

У него был свой «Взгляд». Потом был «Красный квадрат», «Один на один», «Здесь и сейчас», «Взгляд с Александром Любимовым»... Сейчас Александр Михайлович делает телевидение за кадром: руководит телекомпанией «ВИД», продюсирует сериалы, снимает кино. 6 ноября на Первом канале выйдет новое детище Любимова — реалити-шоу «Сердце Африки». Но мы не об этом. Подробности — в интервью «Новой».

— Вы застали и коммунистические времена при Горбачеве, и демократический хаос при Ельцине, занимаетесь телевидением и сейчас... Когда было легче его делать?

— Я всегда находил вещи, которые мне были интересны и которые я не делал раньше. Например, сейчас я активно занимаюсь кино — и это, поверьте, очень интересно. Телевизионная отрасль растет, профессионализируется. У нас очень качественное телевидение, которое начинает создавать киноиндустрию. Если сравнить сериал «Менты» и те сериалы, что идут сейчас, — совершенно разный уровень. И кино очень разнообразное. К слову, на американских или европейских каналах, которые часто для людей несведущих являются эталоном качества, нельзя поставить сериал «Брежнев» или «Штрафбат» в прайм-тайм.

— Киноиндустрия — это следствие развития технологий, прогресса. А если говорить об авторской, живой журналистике?

— Любое телевидение — это технология. Все равно первична идея, которую нужно придумать. И Шакуров, играющий Брежнева, — это очень большое авторство. Что касается авторской журналистики, о которой вы говорите, то, я думаю, сегодня она не востребована по нескольким причинам. Сейчас такой период, когда нужно сформулировать что-то новое. Но это пока не получается — это первая причина. Когда происходит медленный процесс строительства нового государства, в этом трудно разбираться — это вторая причина. А третья причина — собственно власть состоит из таких же людей, как журналисты, которые тоже не все понимают. По сравнению с харизматиками девяностых годов сейчас во власти госслужащие. Хорошо это или плохо — не знаю. В кругах московской интеллигенции принято говорить, что делают революцию герои — это мы, а пользуемся ею подонки — это, условно, путинское окружение. Но эту же фразу можно повернуть по-другому. Те, кто востребован общественной средой в момент революционных взрывов, не способны заниматься создательным строительством. И эти самые герои объективно ничего не могут предложить людям сегодня. Они не способны в этой среде ничего создавать.

— А зачем же тогда власти телевизионное единообразие? Федеральные каналы чуть не цитируют друг друга — как у Жванецкого: «Открыл одну газету — знаю, что в остальных».

— Есть и четвертая причина. Это еще мировые процессы. Мировой терроризм, глобализация — это все усложняет задачи любого государства. И если посмотрите новости Америки, то они довольно консервативны, не говоря уж об Англии или Франции. Что касается нас... Журнал «Эксперт» проводил недавно соцопрос. Они разделили интеллигенцию и работников интеллектуального труда по уровню доходов. На вопрос: «Что для вас главное в свободе слова?» — интеллигенция отвечала: «Возможность говорить». А люди интеллектуального труда: «Возможность получать информацию из

разных источников». Люди интеллектуального труда, которые двигают страну вперед (их 5—7 процентов), — они не испытывают проблем с получением информации. А тем, кто недоволен своим нынешним статусом, хочется говорить, произносить на всю страну свои часто очень незрелые мысли. Но народ им всем очень дальний родственник, чтобы судить о его потребностях.

— А народу нужны «Аншлаги» и «Кривые зеркала»?

— Юмор — вещь народная. И в этом смысле я отношусь к нему с большим уважением, хотя мне эти программы не нравятся. Но считать это

PhotoXPRESS

Александр Любимов:

«Насколько лучше стало жить в России журналисту!»

национальной проблемой, как часто преподносится, рассуждать о том, что телевидение одурячивает нацию, тоже глупо. Я, например, очень люблю «Летающий цирк Монтипайтона» выдающегося режиссера Терри Гиллама, но отдаю себе отчет, что даже очень глубокой ночью такой продукт провалит сетку. Вообще критикам телевидения пора привыкать, что невозможно людям навязывать свои вкусы.

— Но ведь это ТВ влияет на вкус — зритель смотрит то, что ему показывают!

— Это как вопрос влияния мочи на солнечные лучи! Никто этого не знает. У нас телевизионная социология не может ответить на вопрос: почему люди смотрят телевизор. Телевидение управляет мотивациями людей. Но не в вульгарном смысле. Это не группа людей, которые знают, как и что внедрять в массовое сознание. Это среда коммуникаций, которая воспроизводит образы, воздействующие на подсознание аудитории, и самих руководителей телевидения — и критиков в неменьшей степени. Эта массовая культура, как ни печально признавать этот факт, и народна, и международна. В этом особенность информационного общества, о чем написаны десятки блестящих книг от Эйнштейна до Кемпбелла. И совершенно контрпродуктивно сопротивляться этой торжествующей реальности,

поскольку ресурсов, чтобы найти свое место в этом новом мире, не очень много. И лучше их тратить на то, чтобы к этой реальности приспособившись на понятных для нас правилах.

— Вы занимаетесь производством программ, которые закупает Первый канал. То есть, по сути, должны точно предугадывать вкусы зрителей: что даст рейтинг, а что — нет, чтобы канал закупал вашу продукцию. Что сейчас востребовано зрителем?

— Мы производим и для НТВ, и для «России», но тенденции общая. Русские длинные сериалы — это безусловный прорыв. Можно ерничать и смеяться, но «Кармелита» или «Исцеление любовью» стали хитами. Это к слову, что общество меняется — раньше побеждала бразильская мелодрама. Ежедневное реалити-шоу — безусловный успех ТНТ. Комедийный сериал «Солдаты» на Рен ТВ открыл дорогу новому формату, который сейчас клонируется другими каналами. «Моя вторая няня» на СТС — первая настоящая победа ситкома в России.

— Степень доверия к телевидению сейчас...

— ...у жителей страны больше, чем раньше. Потому что они связывают происходящую стабилизацию с Путиным и с телевидением, которое приносит новости про Путина. В интеллектуальных кругах — значительно меньше. Думающая часть общества будет и дальше все меньше смотреть ТВ. В какой-то момент интеллектуалом станет окончательно понятно, что телевидение существует не для гурманов.

— Но есть же 5—7 процентов, которые понимают, что телевидение — это инструмент.

— Это идеализм, Надя. Сначала был самиздат, потом программа «Взгляд», и люди хотя бы так было всегда. А так не может быть. И не надо впадать в мессианство и закрывать глаза на очевидности. В истории России думающие люди часто оказывались против народа. Не стоит повторяться. Помните недавние девяностые. Наши великие актеры, режиссеры стали политическими деятелями. И по просьбе Бурбулиса или Полто-

ранина, в угоду политической конъюнктуре произносили в эфир совершенно комические тексты. И если спросить сейчас, ради чего они это делали, — ясно, что не за квартиру и не за салат оливье на кремлевском банкете. Но почему они так легко пользовались правом говорить, когда лучше помолчать? Но как в опросе «Эксперта» — интеллигенция хочет говорить, а люди интеллектуального труда хотят думать. На фоне всего, что происходит вокруг — терроризм, глобализация, отношения с внешними соседями, — очень бережно и осторожно нужно говорить. Соотносить, а не считать основной проблемой то, что первым попадает под руку.

— Как вы считаете, телевидение на данный момент такой же эффективный политический инструмент и сможет повторить успех 2000 года, когда раскрутило и привело Путина в президенты?

— Во-первых, все-таки не телевидение приводит к власти. Телевидение формулирует на уровне образов запросы избирателей. Подчеркиваю, не люди, работающие на телевидении, а телевидение. В этой среде в 1999—2000 годах созрел новый вектор политики. Это был ответ на запрос уставших от неопределенности, безвластия и постоянных унижений людей. Это был «Медведь», это был Путин. Каким будет запрос избирателей в 2007—2008 годах, сказать не могу, но, судя по сегодняшней ситуации, роль телевидения в избирательной кампании будет значительно ниже. Что касается эффективности, то в нашей стране телевидение, конечно, эффективно. В любой стране большое телевидение — это часть государственной политики.

— Широко распространено мнение, что проблемы со свободой слова начались еще в 96-м году.

— Те, кто кричит о свободе слова, подразумевают ту свободу слова, которая им нравится. Я помню, как в 1993 году закрыли программу «Красный квадрат». Закрыли Невзорова — событие прошло незамеченным. Доренко — тоже не особо переживали. А когда закрыва-

ют то, что нравится, тогда вспоминают о свободе слова. Вот в чем парадоксальность. Проблемы со свободой слова существовали и будут существовать всегда. Но если размышлять по-крупному, то острота проблемы спадает. А пожелания показать лидера хорошо были всегда. Во времена «Взгляда» нам так же говорили: «Делайте что хотите, только не трогайте Горбачева и Раису». При Ельцине с первого дня говорили: «Что ж вы так про Бориса Николаича, он же ваш товарищ. Вы же вместе на митинги ходили, он так переживает». Ничего не поменялось на самом деле. Разве что уменьшилась палитра мнений, когда большим ТВ стали управлять более централизованно. Но почему тогда не выросли фантастически рейтинги новостей Рен ТВ? Почему жаждущие свободы слова люди не ринулись смотреть этот канал, как они смотрели в свое время «Взгляд»?

— А насколько тогда целесообразно существование таких организаций, как «Медиа-Союз», если журналисты выполняют функцию рупоров государства?

— Не соглашусь с вами. Меня вряд ли можно назвать рупором государства. Искренне у меня это все равно не получится, поэтому вряд ли будет востребовано. Сейчас иная система координат. Мы живем в другом обществе, здесь нет четкого разделения на черное и белое. Ответственная среда обитания требует сотрудничества с разными группами интересов, представленных в обществе. Пора перестать стенать по поводу свободы слова, а выложить карты на стол. Соотнести эту свободу с другими свободами, которые у нас есть, и с несвободами, которые есть в нас самих. А после этого немного успокоиться. Неужели незаметно, насколько лучше стало жить в России журналисту!

— Если бы была возможность воссоединиться оставшейся командой «Взгляда», как «Пинк Флойд» или «Битлз», на один концерт, о чем была бы эта программа?

— Мне сложно представить «Взгляд» без Владика Листьева. Я до сих пор не отошел от этой потери, хотя прошло больше десяти лет. Один концерт как культурный эксперимент всегда можно провести. Вопрос в том, будет ли это востребовано средой? Мне кажется, что уже не будет.

● Беседовала Надежда ПРУСЕНКОВА

«Пора перестать стенать по поводу свободы слова, а выложить карты на стол... И после этого немного успокоиться»